

От Pax Britannica к Pax Americana: опыт либерального империализма Британской империи и США

Половникова Анна, Калугина Полина
МГИМО

РЕЗЮМЕ

История либерального империализма в международных отношениях уходит корнями в конец XIX — начало XX века, когда колониальные системы европейских государств претерпевали значительную трансформацию, связанную с постепенным переходом к косвенным механизмам управления и ростом популярности идей либерализма. Концепция империи за долгое время своего существования прошла различные варианты теоретического осмысления. К XIX веку фокус научных поисков сместился с концепции империи на понятие империализма. В 1860 – 1870-е гг. в среде британской интеллектуальной элиты начала формироваться идея либерального империализма — гармонизации либеральной идеологии и ценностей с имперскими установками и принципами. Хотя на сегодняшний день не существует единства в подходах к самому понятию империя, представляется возможным выделить ряд признаков (среди которых легитимность, универсализм и стремление к изменению статуса-кво как мотивация внешней политики), характерных для данного феномена. Авторы исходят из гипотезы о том, что исторический опыт

Британской империи и США представляет собой опыт практической реализации идеи о либеральной империи. Авторы концентрируются на анализе особенностей внешней политики Британской империи и США в XIX – н. XX в. Приводится сравнение Британии и США через призму понятия «империя». Авторы приходят к выводу о том, что Британская империя являлась идеал-типическим примером либеральной империи. Выражением этого был Pax Britannica — мировой порядок, основанный на легитимной власти Британской империи, осуществляющей экспорт ценностей под прикрытием мессианских идей и играющей роль арбитра в поддержании «баланса сил». Авторы приходят к заключению, что представляется возможным рассматривать США в качестве пост-колониальной либеральной империи (гегемонии). Несмотря на то, что в настоящее время ведется речь о кризисе либерализма и эрозии американского влияния, современный мировой порядок все еще функционирует на основе возглавляемых США международных институтов и общей приверженности развитых стран либеральным ценностям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

либеральный империализм; империя; либеральная гегемония; Pax Britannica; Pax Americana; мировой порядок

From Pax Britannica to Pax Americana: The Experience of Liberal Imperialism in the British Empire and the United States

Anna Polovnikova, Polina Kalugina
MGIMO

ABSTRACT

The concept of empire has known different variants of theoretical understanding over a long period of its existence. By the 19th century, the focus of scholarly enquiry had shifted from the concept of empire to that of imperialism. In the 1860s-1870s, the idea of liberal imperialism, which was the harmonisation of liberal ideology and values with imperial attitudes and principles, began to take shape among the British intellectual elite. Although today there is no consensus concerning the very notion of empire, it seems possible to identify a number of features (including legitimacy, universalism and the desire to change the status quo as a cornerstone of foreign policy) that are characteristic of this phenomenon. The authors proceed from the hypothesis that the historical experience of the British Empire and the United States is an experience of practical

implementation of the idea of liberal empire. The authors focus on the analysis of the peculiarities of foreign policy of the British Empire and the USA in the 19th and early 20th centuries. The authors conclude that the British Empire is a paragon of a liberal empire. The expression of that was Pax Britannica, a world order based on the legitimate power of the British Empire, which exported values under the guise of messianic ideas and played the role of arbitrator in maintaining “balance of power”. The authors conclude that it seems possible to consider the US as a post-colonial liberal empire (hegemony). Although there is a lot of talk about the crisis of liberalism and the erosion of American influence, the current world order still functions on the basis of the US-led international institutions and shared commitment of the developed countries to liberal values.

KEYWORDS

liberal imperialism; empire; liberal hegemony; Pax Britannica; Pax Americana; world hegemony

Contact the author via polovnikova.anna@list.ru , kalugina.polina@bk.ru

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что расцвет европейских колониальных держав пришелся на середину XIX века – начало XX века^[1]. При этом в рассматриваемый период колониальные системы европейских государств претерпевали значительную трансформацию, связанную с постепенным переходом к косвенным механизмам управления на фоне роста популярности идей либерализма. Данная работа посвящена проблеме практической реализации концепции либерального империализма. Целью работы является анализ процесса зарождения идеи либерального империализма и реализации этих установок во внешнеполитической практике Великобритании и США в XIX – середине XX веков.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи:

1. рассмотреть внешнюю политику Британской империи конца XIX – начала XX как классический пример политики либерального империализма;
2. определить отличительные черты, которые позволяют рассматривать США в качестве либеральной империи (гегемонии).

Научная новизна работы обусловлена тем, что в рамках одного исследования приводится сопоставление исторического опыта двух стран – Великобритании и США на базе теоретического конструкта либерального империализма. Актуальность работы связана с тем, что в настоящее время активно ведется

дискуссия о том, являются ли США гегемоном в рамках постбиполярного мирового порядка, в связи с чем интересным представляется выявить черты сходства и различия между идеал-типической моделью *Pax Britannica* и *Pax Americana*.

В работе авторы прибегают к концептуальному анализу наиболее значимых теоретических работ, посвященных рассматриваемой проблематике и конкретно-историческому анализу внешней политики Великобритании и США в периоды, репрезентативные для целей данного исследования. Авторы обращаются к структурной теории империализма Й. Галтунга и концепции либеральной гегемонии Дж. Миршаймера.

В межвоенный период и в первые десятилетия после Второй мировой войны наблюдается рост антиимпериалистических настроений, в результате чего концепция либерального империализма утонула в потоках критики политики колониализма и долгое время оставалась вне научной дискуссии. Возрождение интереса ученых к имперской проблематике пришлось на период становления гегемонистского направления в теории международных отношений и связано с попыткой осмысления роли США в новом мировом порядке. Пионером в этой области стал Й. Галтунг с работой «Структурная теория империализма» (1972). В современной науке проблематике империализма посвящены такие работы, как книга Дж. Снайдера «Мифы империи» (1972), книга

[1] Liberal imperialism in Europe // edited by Matthew P. Fitzpatrick. — New York, Palgrave Macmillan, 2012. — P. 4.

М. Хардта и А. Негри «Империя» (2004), статья Ф. Помпера «История и теория империй» (2005). Историко-конкретный анализ либерального империализма представлен прежде всего книгой Б.Ю. Кагарлицкого «От империй — к империализму цивилизации» (2010) и сборником статей «Либеральный империализм в Европе» под редакцией М. Фитцпатрика (2012). Концептуальное осмысление Великобритании как империи предлагает Н. Фергюсон в книге «Империя: чем современный мир обязан Британии» (2013). Подход к США как к либеральной империи (гегемонии) представлен статьями Дж. Айкенберри. Этот вопрос также затронут в вышеупомянутой книге М. Хардта и А. Негри и в работах Дж. Миршаймера.

ИМПЕРИЯ: ОТ ИДЕИ К ТЕОРИИ

Дать определение понятиям *империя* и *империализм* достаточно непросто в виду того, что различные исторические периоды воплотили его в разных формах: принято выделять империи морские (неконсолидированные, метрополия имеет составными частями только морские коммуникации) и континентальные (консолидированные, метрополия имеет с составными частями сухопутные коммуникации),

идеократические (функционирование определяется трансцендентными целями) и колониальные (создание определяется целью обеспечить неэквивалентный обмен товарами между метрополией и колониями)^[2]. Многообразие исторических форм способствовало тому, что сложились различные подходы к самому понятию, среди которых на сегодняшний день можно выделить два крупных направления. Приверженцы первого подхода концентрируют своё внимание на экономическом аспекте рассматриваемой проблематики^[3]. Приверженцы второго подхода рассматривают империю в политологической парадигме. В отечественной литературе в рамках данного подхода выделяются, в свою очередь, три модели: а) геополитическая (империя как доминирование на определенной территории при постоянной территориальной экспансии^[4]); б) идеократическая (центральным принципом империи выступает комплекс религиозно-государственных идей^[5]); в) структурная (империя как макросоциальный центр^[6]). Представляется, что у зарубежных авторов, начиная с работы Й. Галтунга «Структурная теория империализма» (1972), структурная модель на данный момент является наиболее востребованной.

[2] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь // Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. С. 124-126.

[3] Дж. Гобсон. Империализм, 1902; К. Каутский. Империализм, 1912; К. Каутский. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств, 1917; В.И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма, 1917; И. Валлерстайн. Мир-система Модерна, 1974 — 1989; Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации, 2010.

[4] Фрумкин К.Г. Пространственная эстетика империй // Свободная мысль. — 2002. — No 9. — С. 72-78.

[5] Лурье В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. — 1997. — No 4. — С. 123-133.

[6] Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М.: Московская школа политических исследований, 2007.

Говоря о тех признаках, которые объединяют различные построения, начнем с того, что само слово *империя* происходит от латинского слова *imperiū* — «законная власть», «суверенное право». Следовательно, первым признаком империи является ее связь с государственностью как формой осуществления легитимной власти. При этом важно отметить, что на пике развития Древнеримской империи для римлян не было никакой разницы между *imperiū* и *orbis terrarum* («кругом земным»), т.е. совокупностью всех известных римлянам стран и народов^[7]. Именно тогда начала формироваться идея трансцендентно единого *Pax Romana*, при этом универсализм обеспечивался переносом ценностей империи (начиная от римского права, заканчивая римскими дорогами) на все территории, ставшие частью *Pax Romana*. Эту черту можно считать вторым важнейшим признаком империи. С началом становления и развития европейского колониализма проявляется третий важный признак империи — постоянное стремление державы перераспределить расстановку сил на международной арене в свою пользу: вспомним череду «войн за наследство» XVI — XVIII веков, противостояние европейских держав и Османской империи, англо-испанские и англо-голландские войны, противоборство Англии и Франции. Это эмпирическое наблюдение нашло теоретическое подтверждение у

ряда исследователей, в частности у Г. Моргентау^[8].

«ТРИ КИТА» РАХ BRITANNICA

Г. Киссинджер выделяет три этапа становления Британской империи^[9]. Сначала Англия в ходе англо-испанских войн была вынуждена отвоевывать право на господство на море у Испании — именно после разгрома англичанами в 1588 «Непобедимой армады» английская морская империя стала осязаемой реальностью. На втором этапе последовала борьба с экономической экспансией Голландии (англо-голландские войны) и геополитическими притязаниями Франции (кульминацией стала Семилетняя война). Вопрос о том, чьим будет мир: английским или французским, был окончательно решен с окончанием наполеоновских войн в 1815 году, когда сложился новый мировой порядок, построенный вокруг трех главных держав — Австрии, Великобритании и России (потерпевшая поражение Франция осталась на задворках нового мирового порядка). Этот порядок получил название Венской системы международных отношений, или «европейского концерта». При этом П. Кеннеди отмечает^[10], что весьма скоро, на фоне определенного «отставания» России и роста нестабильности в Австрии, Великобритания стала естественным «дирижером» в рамках «европейского

[7] Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — С. 49.

[8] Morgenthau H. Politics among nations: the struggle for power and peace. — New York, 1948. — P. 27.

[9] Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В. Верченко. — М.: Издательство АСТ. — 2018. — С. 10.

[10] Kennedy P. The rise and fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. — London, Unwin Hyman Limited. — P. 172-175.

концерта». Таким образом, можно говорить о складывании Pax Britannica, ибо Великобритания выступала не просто гарантом нового порядка, но она сама стала «международной системой могущества и влияния»^[11].

На чём же основывалась эта система? Для простоты изложения можно говорить о том, что Pax Britannica покоился на «трёх китах». Одной из основ стала огромная территория Британской колониальной империи: на пике своего могущества она включала территории Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, Индии, островов в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах, территорий в Тропической и Южной Африке. При этом важным является факт юридического закрепления легитимности британской власти на всех подконтрольных территориях. Кроме того, размеры Британской империи измерялись не только территориями, которые непосредственно входили в её состав, но и масштабами её влияния: викторианская Британия стала всемирным банкиром. Она была нетто-экспортером капитала, а её прямые иностранные инвестиции превышали французский экспорт капитала более, чем в двое^[12], что позволило инвестициям стать для Британской Империи мощным рычагом влияния (по мнению Б. Кагарлицкого, в

этом контексте можно даже говорить о британских «неформальных колониях» в Латинской Америке^[13]).

Вторая основа — это активная экспансия ценностных установок и ориентиров. Когда британцы получали управление некоторой территорией, они пытались перенести на её почву (точно так же, как прежде поступали римские легионеры) определенные черты и установки, который были присущи британскому общественному укладу (право, административные методы и хозяйственные практики). При этом главной идеей, отличающей Британскую империю от европейских соседей, была идея свободы, которую можно назвать британским либеральным универсализмом: вера в благотворное влияние либеральных идей (и прежде всего идеи свободы) на весь мир. Отметим, что британские колонии в Америке и Вест-Индии никогда не подвергались плотному бюрократическому контролю^[14]. Даже Австралия, которая изначально задумывалась как своего рода тюрьма, послужила в конечном счете освобождению высланных туда каторжников^[15]. В 1830-е годы был принят Акт об отмене рабства на территории Британской империи, положения которого подразумевали не только освобождение невольников всех цветов кожи, но и

[11] Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — С. 186.

[12] Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: Астрель, 2013. — С. 329.

[13] Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — С. 595.

[14] Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — С. 213.

[15] Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: Астрель, 2013. — С. 159.

режим постоянного патрулирования африканских берегов с целью пресечения перевозки рабов (т.е. снова идея свободы работает не только на территории метрополии, но и в её колониях). В викторианскую эпоху одновременно происходит разворот, с одной стороны, в сторону еще большего либерализма (так, в 1846 Великобритания переходит к свободной торговле, а в 1859 в была основана и сразу набрала невероятную популярность Либеральная партия); с другой стороны — от осуждения империализма и колониальных практик к идее о благотворности британского влияния на колонизованные территории (здесь представляется важным отметить, что существовала длительная дискуссия в британских политических и интеллектуальных кругах о соотношении либеральных и имперских ценностей при довольно сильных позициях «антиимпериалистического лобби»). Мысль о том, что в условиях растущей конкуренции на международной арене Великобритании жизненно необходимо укрепление империи, нашла материальное воплощение: в 1884 г. группой политиков, ученых и публицистов была создана Лига имперской федерации, программа которой предполагала более тесное объединение метрополии и колонии, что, хотя и не было реализовано, свидетельствует о растущей значимости империи для британского общества^[16]. При этом если раньше Британская империя была «в лучшем случае безнравственной», то в викторианскую эпоху

британцы не только мечтали править миром, но и «дать ему искупление^[17]»: в британских колониях активизировалась деятельность миссионеров (среди наиболее значимых имен — Роберт Моффет, Дэвид Ливингстон, Джон Филипп).

Третья характерная черта Британской империи состоит в её роли арбитра в мировом порядке при обеспечении в первую очередь собственных интересов. Логику британской внешней политики в викторианскую эпоху определяло сочетание двух факторов: приверженность либеральным идеалам и прагматика баланса сил. Ниже представлен краткий обзор того, как это сочетание определяло мероприятия Великобритании по важнейшим вопросам, стоявшими перед Форин Офис в этот период^[18]. Говоря о европейских революциях, стоит отметить, что позиция британских политиков была двойственной: их идейные симпатии были на стороне либеральных и национальных движений, тогда как прагматическим интересам Великобритании соответствовало сохранение Венского порядка. В конечном итоге, рамки дозволенной поддержки революционных движений определяла именно приверженность Великобритании своей роли балансира: например, было поддержано отделение Бельгии от Нидерландов с закреплением нейтралитета Бельгии (с целью не допустить превращения Бельгии в «марионетку» той или иной

[16] Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — С. 196.

[17] Там же, с. 175.

[18] К важнейшим вопросам автор относит 1) отношения к европейским революциям 1830 — 1840-х гг.; 2) Восточный вопрос; 3) экспансия за пределами Европейского континента.

крупной державы), но при этом не было поддержано восстание венгров против Австрии (сохранение целостности и суверенитета Австрии входило в систему Венского порядка). В Восточном вопросе главным для Великобритании было, в терминах премьер-министра лорда Пальмерстона, «всемерное ослабление России^[19]» с целью не допустить усиления её позиций в Европе и на Востоке в виду того, что, с одной стороны, потенциальное усиление России ставило под угрозу баланс сил в Европе, а с другой стороны, её активное освоение туркестанских хлопковых плантации, могло представлять угрозу экономическим интересам Ост-Индской компании. Это стремление вылилось в участие Великобритании в Крымской войне (1853 – 1855) на стороне Турции. Победа в Крымской войне обеспечила Британии преобладание на Ближнем Востоке и продление жизни Венскому порядку. Стоит сказать, что, несмотря на успешный исход, Крымская война не стала популярной в британском обществе^[20], а в контексте последующего объединения Германии британские успехи в Крымской войне действительно выглядят сомнительными. Негативное восприятие результатов Крымской войны в определенной степени привело к отставке Пальмерстона и дистанцированию Великобритании от европейских дел — политике *splendid isolation* («блестящей изоляции»). Одновременно, Лондон активизировал свою деятельность на периферии

международных отношений (особенно ярко эта тенденция проявилась с приходом к власти в 1874 году Б. Дизраэли) — прежде всего в Латинской Америке (с 1865 по 1913 гг. стоимость двусторонней торговли выросла в три раза, британских инвестиций — в 14,5 раз^[21]), Азии (были заключены неравноправные договоры с Японией и Китаем, Афганистаном; после восстания сипаев в 1857 — 1858 гг. под прямое управление британской короны перешла Индия), Египте (был установлен финансовый контроль над Суэцким каналом), Южную Африку. Объединение Германии открыло новый этап в истории международных отношений: начавшийся тогда период характеризовался растущей конкуренцией держав, переходом инициативой в европейской политике в руки Германии и началом ослабления Великобритании в экономике (доля в мировом производстве в последней трети XIX — начале XX столетий постоянно снижалась и составила в 1880 г. 22,9%, а в 1913 — 13,6%^[22]). Это ставило под угрозу возможности Лондона следовать своим имперским интересам и поддерживать свое положение арбитра в европейском балансе сил. В связи с этим в 1890-х активно продолжилась британская экспансия в Южной Африке, которая по-прежнему ассоциировалась с поддержанием имперских позиций и, следовательно, роли балансира. Целью британских политиков стали бурские республики, эскалация напряженности в отношениях с которыми

[19] Цитата по: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — С. 161.

[20] Цитата по: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. — С. 163.

[21] Там же, с.169.

[22] Там же, с.177.

вылилась в уже упомянутую англо-бурскую войну. Таким образом, переход Великобритании к глобальной внешней политике соперничества с другими европейскими державами совпал с апогеем Британской колониальной империи, когда в ходе «драки за Африку» произошло крупнейшее расширение *Rax Britannica* за счёт территорий на Африканском континенте. Представляется, что рассмотренные выше тенденции и процессы позволяют говорить о стремлении Великобритании при любом изменении внешнеполитической конъюнктуры «сбалансировать» мировой порядок в свою пользу.

Таким образом, политику либерального империализма в классическом британском варианте можно определить как внешнюю политику, основанную на сочетании универсальных ценностей либерализма (при мессианской идее об их благотворном влиянии на зависимые территории) и прагматических имперских интересов.

ПРИЧИНЫ КРАХА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Кризису империализма, и в частности британского, был посвящен ряд теоретических работ. Такие исследователи как А. Гобсон и Р. Кобден отмечали, что империализм экономически нерентабелен, вреден для демократического развития и морально предосудителен.

Затратная экспансия в Южной

Африке ограничила свободу рук Британии на других направлениях, в частности в борьбе за раздел Китая, что в сочетании с возрастающей тяжестью бремени соперничества одновременно с Германией, Россией и Францией подтолкнуло британские политические элиты к мысли о поиске союзников — шаг, абсолютно не типичный для мировой империи и первый «тревожный звонок» для *Rax Britannica*. В конечном итоге, Великобритания сделала выбор в пользу Франции (Сердечное согласие, 1904) и России (соглашения с Россией по Афганистану, Персии, Тибету, способствовавшие присоединению впоследствии России к Антанте). Вместе с тем, Великобритания не отказывалась от своего желания сохранить за собой «свободу рук» и роль арбитра в европейских делах, поэтому в отношениях с Германией также придерживалась курса на «разрядку». Неопределенность британской позиции сохранялась вплоть до начала Первой мировой войны, а главным мотивом вступления Великобритании в войну было осознание угрозы балансу сил в Европе, а в долгосрочной перспективе — имперским позициям Великобритании и всей системе *Rax Britannica*^[23]. Однако, после Первой мировой войны стало очевидно, что Венский порядок стал частью прошлого: с политической карты исчезло Австро-Венгерское государство и три из четырех вступивших в войну династий (австрийская, германская, российская) были свергнуты — устоял только британский королевский дом. Но мог ли он претендовать на роль гаранта миро-

[23] Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. – М.: Международные отношения, 2016. – С. 227.

вого порядка? Представляется верным дать отрицательный ответ. Во-первых, Первая мировая война как таковая может быть рассмотрена как свидетельство начавшегося распада *Rex Britannica* и упадка Британской империи в виду того, что, согласно теории гегемонистской стабильности, только гегемон может обеспечить стабильность и порядок в международных отношениях^[24]. Из этого следует, что отсутствие стабильности и порядка свидетельствует об упадке гегемона. Экономическое положение Великобритании после Первой мировой войны служит наглядной иллюстрацией начавшегося упадка, на фоне которого еще более ярко вырисовывается рост мощи США. Так, например, если в 1914 году Британия контролировала 71% торговых судов всего мира, то в 1918 году этот показатель составил всего 29% (для США это 8% и 56% соответственно^[25]). Расходы на войну и внешние заимствования привели к ослаблению фунта стерлинга: до войны 1 фунт стоил 4,86 долл. США, а в феврале 1920 1 фунт стоил уже 3,40 долл. США^[26].

Во-вторых, одним из последствий войны стала делегитимация империи как в колониях, так и в метрополии. С одной стороны, в ряде британских владений (например, в Ирландии, Индии) отмечалась радикализация антиколониального движения^[27]. Это вынудило Лондон пойти по пути уступок в вопросе расширения политических прав доминионов, и в 1920-х доминионы были признаны

равными по статусу с метрополией, а в 1931 году Вестминстерский статут снял последние ограничения с суверенитета доминионов, которые отныне выступали на правах равенства с Великобританией в рамках Британского Содружества Наций. В 1937 г. о создании суверенного и независимого государства объявила Ирландия. В дальнейшем связи Великобритании со своими доминионами только ослабевали. Заглядывая вперед, следует отметить, что позднее все попытки сохранить колониальные владения путём маневрирования или применения военной силы (например, в Кении) потерпели провал и после Второй мировой войны колониальная империя Британии окончательно распалась. С другой стороны, как отмечает Б. Кагарлицкий, одним из ключевых факторов конца империи стал кризис доверия населения непосредственно Британии: широкая общественность не видела смысла в столь дорогом содержании империи, особенно когда требовалось урегулировать обострившиеся после войны социально-экономические проблемы (больницы, школы, выплаты инвалидам и ветеранам). В ответ на этот общественный запрос британские политики (в частности, тогдашний премьер-министр Ллойд Джордж) сократили расходы на внешнюю и оборонную политику (руководствуясь так называемым «правилом 10 лет», по которому объем расходов должен

[24] Gilpin Robert. War and change in world politics. – Princeton University, 1981. – P. 10.

[25] Ibid, p. 273.

[26] Ibid, p. 274.

[27] Collett. N. The Butcher of Amritsar. General Reginald Dyer. – London: Hambledon Continuum, 2007. – P. 9.

определяться исходя из положения о том, что в последующие 10 лет Великобритания не будет вовлечена в крупномасштабную войну^[28]) — шаг, также абсолютно не свойственный для имперской внешнеполитической логики.

В-третьих, не последнюю роль играли либеральные установки британского общественного мнения — «совестливого и филантропического^[29]»: в глазах британцев империя была легитимна только как оплот мира, политического и экономического порядка и англосаксонской цивилизации. Поэтому как широкая общественность, так и элиты были склонны рассматривать внешнюю политику скорее с позиций ценностных, чем с позиций геополитических^[30]. На этом фоне мирный план американского президента В. Вильсона — «14 пунктов» — выглядел единственной адекватной программой дальнейшего развития международных отношений, а Соединенные Штаты органично выступали единственной силой, способной обеспечить жизнеспособность нового мирового порядка. После Первой мировой войны британская политическая элита рассматривала США как потенциального партнера в обеспечении европейской стабильности^[31]. После Второй мировой войны альянс с Соединенными Штатами,

равно как и последующий переход лидерства в международных отношениях на другую сторону Атлантики, рассматривался Британией как поддержка трансцендентных целей, для которых и существовала империя: капитализм утвердился в качестве оптимальной системы организации экономики, а идея свободы стала универсальной ценностью для всех демократических государств^[32].

По мнению В. Галина, причиной двух мировых войн была «агония европейской либеральной демократии образца XIX века^[33]». Действительно, если до Второй мировой войны Британская империя была необходима как важный элемент мировой системы, структурирующий её политически, экономически и идейно, то в новых условиях она просто напросто утратила эту роль. Таким образом, через призму трансформации мировой системы в 1914 — 1945, крах Британской империи выглядит вполне закономерным явлением — Pax Britannica был системой, основанной на доминировании Великобритании; с наступлением коллапса этого миропорядка Британская колониальная империя стала иррелевантной, а образовавшийся вакуум (сначала в международной экономике, а потом и в международной политике) заняли США.

[28] Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — С. 275.

[29] Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — 206.

[30] Там же, с. 197.

[31] Там же, с. 348.

[32] Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — С. 650.

[33] Галин. В. Политэкономика войны. Заговор Европы. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 329.

ГЕНЕЗИС ДОМИНИРОВАНИЯ США

Рассмотрим теперь подробнее переход лидерства в международных отношениях к США. Начать следует с того, что к концу XIX века США по важнейшим экономическим показателям уже вполне соответствовали статусу великой державы^[34]. Неудивительно, что именно в это время наблюдается всплеск интереса к проблемам экспансии как в доктринальном (например, эссе Дж. Фиске, работы Ф. Тернера, А. Мэхена, проповеди Дж. Стронга), так и в практическом поле (аннексия Гавайских островов, война с Испанией за колонии в Латинской Америке, проведение политики «открытых дверей» в отношении Китая). Вместе с тем, руководство США подчеркивало отличие своей экспансии от европейской: в Старом Свете она была направлена на создание колоний, тогда как в Новом свете она осуществлялась исключительно для распространения идеалов демократии^[35]. Во время Первой мировой войны США впервые в своей истории не только не дистанцировались от европейского конфликта, но и прямо в него вмешались, что развеяло все оставшиеся сомнения насчёт членства США в клубе «великих держав»^[36]. После победы в Первой мировой войне США под руководством В. Вильсона стремились к тому, чтобы сыграть главную роль в определении нового мирового порядка. Отчасти эта попытка была успешной: «14 пунктов» позволили В. Вильсону замахнуться на

роль морально-политического лидера мирового сообщества^[37]. Другая сторона медали состоит в том, что США пришлось пойти на существенные уступки европейским державам по всем базовым параметрам договора,^[38] что не позволяет говорить об переходе лидерства в международных отношениях на сторону США в этот момент. Вплоть до начала Второй мировой войны США придерживались традиционной политики изоляционизма, иными словами, степень активности Вашингтона на международной арене была ограничена только теми сюжетами, которые представляли для США непосредственный интерес (в основном это была экономическая экспансия в страны Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанский регион). Точку в американском изоляционизме поставили японцы, атаковав 7 декабря 1941 американскую базу на Тихом океане Пёрл-Харбор: США оказались вовлеченными во Вторую мировую войну. Примечательно, что по мере увеличения военных успехов и нарастающей очевидности благоприятного для союзников исхода войны менялось соотношение сил в «большой тройке»: уже к 1943 США далеко обошли Великобританию по численности вооруженных сил, и Вашингтон занял позицию «старшего брата» в отношении Лондона. Показательной в этом отношении была Тегеранская конференция 1943 года, когда президент США Ф. Рузвельт в полемике с премьер-

[34] Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012. — С. 78.

[35] Там же, с. 98.

[36] Там же, с. 136.

[37] Там же, с. 161.

[38] Там же, с. 155.

министром Великобритании У. Черчиллем по вопросу открытия второго фронта выступил на стороне И. Сталина, несмотря на то, что с точки зрения общей логики соперничества между Востоком и Западом, позиции Ф. Рузвельта и У. Черчилля должны были совпадать. Подобное поведение руководства США объясняется тем, что в то время оно было озабочено прежде всего не сдерживанием «советской угрозы», а тем, чтобы перехватить глобальную гегемонию у Великобритании. Кроме того, высадка в Нормандии окончательно изменяла военно-политическое соотношение сил на Западном фронте: в случае открытия второго фронта на Балканах решающую роль играли бы британцы (с их флотом и опытом проведения подобных операций), в то время как операция в Нормандии была возможна только при лидерстве США. По мнению Б. Кагарлицкого^[39], Тегеранская конференция оказалась историческим поражением Великобритании в отношениях с Соединенными Штатами, в фарватере которых руководители Туманного Альбиона отныне двигались при проведении своей внешней политики.

США вышли из войны ведущей мировой державой с точки зрения экономики (валовой национальный продукт составлял около 60% мирового, а на долю США приходилось около 2/3 мировой торговли), военного потенциала (лидерство по количеству военно-морских кораблей,

стратегической авиации и монополия на ядерное оружие), политики (успешное преодоление испытаний укрепило уверенность политических элит и широкой общественности в превосходстве американской модели)^[40]. Вместе с тем, ужасы войны и связанное с этим непокидающее чувство незащищенности привнесли в американскую внешнеполитическую стратегию глобальную концепцию обороны. Таким образом, сочетание новых огромных возможностей и новых потенциальных опасностей подводило Вашингтон к идее глобального лидерства США как необходимого средства поддержания международной стабильности и реализации национальных интересов.

США — НОВАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ?

Как считает Дж. Айкенберри, во внешней политике США имеют место одновременно и логика либерализма (создание Атлантического сообщества), и логика империализма (неоконсервативная стратегия установления монополии американского правления)^[41]. Несомненно, общая логика построения американского империализма укладывается в доктрину англо-американского глобального миропорядка и может рассматриваться как интеллектуальное ответвление

[39] Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — С. 620.

[40] Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012. — С. 289.

[41] Ikkenberry, J. Liberalism And Empire: Logics Of Order In The American Unipolar Age // Review of International Studies — 2004. — Vol. 30 — P. 611.

британского империализма. Однако по ряду внешних признаков империализм США отличается от империализма Британии. Для начала, никогда в истории XX века (когда как раз и происходил слом Pax Britannica, с одной стороны, и становление США в качестве гегемона, с другой стороны) США не имели открытых территориальных притязаний. Также имперское могущество Великобритании зиждилось на экспорте капитала и массовой эмиграции, тогда как США, напротив, являются нетто-импортером капитала и заветной целью для иммигрантов. Кроме того, после окончания Второй мировой войны у руководства США появились такие рычаги влияния, о которых Британская империя не могла себе и помыслить. Во-первых, Бреттон-Вудское соглашение 1944 года юридически установило ведущую роль американского доллара (заметим, за британским фунтом, несмотря на финансовую мощь империи, подобная роль юридически никогда не была закреплена), превратив Федеральную резервную систему США в некоторого рода инструмент осуществления глобальной гегемонии в сфере экономики. Во-вторых, план Маршалла, вступивший в действие в 1947 году, с одной стороны, избавил Европу «от голода, нищеты, отчаяния и хаоса»^[42], а с другой стороны — стал благодатной почвой для зарождения и роста зависимости стран Европы от США. В-третьих, доминирование США

развивалось на фоне глобализации и сближения национальных экономик и политических курсов при ослаблении суверенитета национальных государств^[43]. К концу 1990-х Вашингтону удалось реализовать задачу, обозначенную в Стратегии национальной безопасности 1997 года: «поставить себя в центр международных торговых отношений через ВТО, АТЭС, трансатлантический рынок и НАФТА», что, по словам М. Олбрайт, дало возможность «формирования глобальной экономической системы, работающей на Америку»^[44]. Важно остановиться на следующем наблюдении. Биполярная система международных отношений имела одну важную сторону: Вашингтон становился гарантом безопасности коллективного Запада, что позволяло ему наращивать своё военное, экономическое, а позднее и политическое влияние. Таким образом, характерная для Pax Britannica колониальная форма организации периферии уступила место новой системе, при которой над независимыми государствами США осуществляют военно-политическую и экономическую гегемонию. Таковую систему Й. Галтунг характеризует как неоколониализм — структура, в которой центр воздействует на периферию через международные организации и институты^[45].

Отличительной особенностью американского империализма также является тот факт, что США (в

[42] из речи госсекретаря США Дж.К. Маршалла в Гарвардском университете 5 июня 1947 года

[43] Хардт М., Негри А. Империя // Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004. — С. 6.

[44] Цитата по: Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012. — С. 569.

[45] Galtung Johan. A Structural Theory of Imperialism // The Journal of Peace Research — 1972. — Vol. 8, No. 2 — P. 81.

отличие от Британии) не признают себя империей^[46], так как их собственный «миф о происхождении» основан на том, что Америка во имя свободы восстала против имперской власти Британии и империализма вообще. Однако, американское мировидение, главные черты которого — идея превосходства, притязание быть носителем универсальной идеи (свободы и равенства), стремление быть арбитром и американоцентризм^[47] — вполне соответствуют классическим претензиям империи на вселенский характер. Во внешней политике Вашингтон исходит из того, что США — воплощение

либерального государства и, следовательно, именно США будут решать, что считать, либеральным, а что считать нелиберальным^[48]. Таким образом, США неофициально берут на себя ответственность за распространение по всему земному шару благ капитализма и демократии (что воплощает мессианскую идею США), а также (начиная с доктрины Дж. Буша) борьбу с глобальным терроризмом.

Для ответа на вопрос, вынесенный в подзаголовок, попробуем для наглядности представить итоги нашего рассуждения в виде следующей таблицы:

[46] Freedland Jonathan. Rome AD & Rome DC? // The Guardian. — 2002. — 18 September. — P.2.

[47] Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. — 2011. — №6. — С.80-97.

[48] Rhodes Edward. The Imperial Logic of Bush's Liberal Agenda // Survival. — Vol. 45, No. 1. — P. 131-154.

Таблица 1. Сравнение Британии и США через призму понятия империя

Линии сравнения	Британия	США
способ доминирования	■ классический колониализм ■ сферы влияния за счет экономического доминирования ■ стремление к легитимности в колониях	■ неоколониализм ■ сферы влияния за счет экономического доминирования, гарантий безопасности, международных организаций ■ стремление к легитимности в сферах влияния

Линии сравнения	Британия	США
идеология / самосознание	■ мессианская идея о благотворности британского влияния на колонизованные территории через распространение универсальных британских ценностей ■ идеализация империи	■ идея о мессианской роли США в деле распространения по всему миру универсальных идей капитализма и демократии ■ отказ признавать себя империей
логика поведения во внешней политике	■ роль «дирижёра» и балансира в мировом порядке ■ стремление к территориальной экспансии и экспансии влияния	■ стремление возложить на себя роль гаранта текущего мирового порядка ■ отсутствие территориальных претензий при мощной экспансии влияния

Источник: составлено автором.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые различия, и Британской империи, и Соединенным штатам присущи классические признаки империи — стремление к легитимизации власти/влияния, универсализм ценностей, балансирование мирового порядка в своих интересах.

Будущее **Pax Americana** в современном мировом порядке

В настоящий момент ряд специалистов в области международных отношений и мировой политики высказывает мнение о том, что в последние

годы появились признаки заката американского могущества, эрозии американского влияния. Во многом это связывается с непоследовательностью внешнеполитической линии в условиях существования двухпартийной системы (например, неспособность сыграть лидирующую роль в глобальной борьбе с пандемией COVID-2019 из-за позиции администрации Д. Трампа); провалом политики «экспорта демократии» (в частности, неспособность достичь подлинного постконфликтного урегулирования в Ираке и Афганистане) и неоднозначным отношением мирового сообщества к гуманитар-

ным интервенциям, возглавляемым США (например, бомбардировки Югославии и свержение режима М. Каддафи в Ливии). В то время как первые две тенденции говорят о том, что ценности американской модели либеральной демократии теряют свой универсальный характер, третья подтверждает непризнание мировым сообществом легитимности гегемонии США.

Во второй декаде XXI столетия в дискурс прочно входит проблема кризиса либерального мирового порядка. В этом контексте важной представляется опубликованная в 2019 г. статья Дж. Миршаймера «Обреченный на неудачу», в которой автор прослеживает становление либерального порядка под эгидой США с момента окончания Второй мировой войны и приходит к выводу о том, что с 2005 г. Рах Americana сталкивается с серьезными проблемами (например, неудачи США и союзников по НАТО в Ираке, Афганистане, Сирии, Ливии, Йемене, а также ухудшение отношений с Россией и Китаем на фоне углубляющегося недоверия в отношениях Д. Трампа и лидеров европейских стран)^[49]. Дж. Миршаймер убежден в том, что построение либерального международного порядка изначально не имело шансов на успех^[50].

Тем не менее, сложно спорить с тем, что современный мировой порядок построен вокруг возглавляемых США альянсов безопасности,

многосторонних экономических отношений, многосторонних институтов и общей приверженности стран либеральным ценностям — демократии и капиталистической экономике. Следовательно, современный мировой порядок все еще возможно охарактеризовать как Рах Americana.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рах Britannica — мировой порядок, окончательно сформировавшийся в начале XIX века и основанный на доминировании Британской колониальной империи, которая является идеал-типическим примером либеральной империи, так как при доминировании в различных формах

а. обладает главными характерными признаками империи: 1) представляет собой легитимную власть на всех подконтрольных территориях; 2) осуществляет экспорт ценностей при мессианской идее о благотворном влиянии универсальных британских ценностей на колонии; 3) Британия стремится поддерживать «баланс сил», сохраняя собственную роль арбитра и преследует свои интересы

б. ориентируется на идеи и ценности либерализма.

Крах Британской империи вызван совокупностью внешних и внутренних причин. Однако принципиально важное значение имеет тот факт, что после Первой мировой войны произошла смена

[49] Mearsheimer John. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. – 2019. – Vol. 43, No. 4. – PP. 32–42.

[50] Ibid, p.50.

миропорядка, а демонтаж Британской колониальной империи был органичной частью этого процесса, завершившегося с окончанием Второй мировой войны, когда лидерство не только в экономике, но и в политике окончательно перешло к США.

Хотя по некоторым признакам британский и американский империализм существенно отличаются друг от друга, *Rex Britannica* и *Rex Americana* сходны в том, что представляют собой особый миропорядок, построенные вокруг универсальной либеральной идеологии и основанный на доминировании в различных формах Британии и США соответственно.

В последние годы сменилась тональность научной дискуссии относительно роли США: ведется речь о кризисе либерализма и эрозии американского влияния, высказывается мнение о том, что *Rex Americana* обречен на неудачу. Тем не менее, современный мировой порядок все еще функционирует на основе возглавляемых США международных институтов и общей приверженности развитых стран либеральным ценностям. Следовательно, представляется возможным характеризовать США как либеральную империю (гегемонию).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. — 2011. — №6. — С.80-97.
2. Галин. В. Политэкономика войны. Заговор Европы. — М.: Алгоритм, 2007. — 429 с.
3. Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. — М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2010. — 680 с.
4. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — 840 с.
5. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М.: Московская школа политических исследований, 2007. — 319 с.
6. Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В Верченко. — М.: Издательство АСТ, 2018. — 896 с.

7. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А.Козлика, А. Платонова. — М.:Издательство «Европа», 2007. — 688 с.
8. Лурье В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. — 1997. — No 4. — С. 123-133.
9. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012. — 686 с.
10. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь // Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. — 576 с.
11. Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО-университета. — М., 2008. — No 2. — С. 3-10.
12. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: Астрель, 2013. — 560 с.
13. Фрумкин К.Г. Пространственная эстетика империй // Свободная мысль — XXI. — 2002. — No 9. — С. 72-78.
14. Хардт М., Негри А.. Империя / Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004. — 440 с.
15. Galtung Johan. A Structural Theory of Imperialism // The Journal of Peace Research — 1972. — Vol. 8, No. 2. — PP. 81-117.
16. Collett. N. The Butcher of Amritsar. General Reginald Dyer. — London: Hambledon Continuum, 2007. — 575 p.
17. Ikkenberry. J. Liberalism and empire: logics of order in the American unipolar age // Review of International Studies — 2004. — Vol. 30 — P. 609-630.
18. Freedland Jonathan. Rome AD & Rome DC? // The Guardian — 2002 —18 September.
19. Kennedy P. The rise and fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. — London, Unwin Hyman Limited. — 704 p.
20. Liberal imperialism in Europe / edited by Matthew P. Fitzpatrick. — New York, Palgrave Macmillan, 2012. — 290 p.

21. Morgenthau H. Politics among nations: the struggle for power and peace. – New York, 1948. – 516 p.

22. Rhodes Edward. The Imperial Logic of Bush's Liberal Agenda // Survival – Vol. 45, No. 1 – P. 131–154.

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. Istoki amerikanskogo povedeniya [Origins of American Behaviour] // Rossia v globalinoy politike [Russia in Global Politics]. – 2011. – №6 – P. 80-97.

2. Collett. N. The Butcher of Amritsar. General Reginald Dyer. – London: Hambledon Continuum, 2007. – 575 p.

3. Fergyson N. Imperiya: chem sovremennyy mir obyazan Britanii [Empire: What the Modern World Owes Britain] // Translated from English by Bandurovsky K. – Moscow: Astrel, 2013. – 560 p.

4. Freedland Jonathan. Rome AD & Rome DC? // The Guardian – 2002 –18 September

5. Frumkin K.G. Prostranstvennaya estetika imperij [The Spatial Aesthetics of Empires] // Svobodnaya mysl [Free Thought]. – 2000. – No 9. – P. 72-78.

6. Galin. V. Politekonomiya vojny. Zagovor Evropy [Political Economy of War. European Plot]. – Moscow: Algoritm, 2007. – 429 p.

7. Galtung Johan. A Structural Theory of Imperialism// The Journal of Peace Research – 1972. –Vol. 8, No. 2. – PP. 81-117.

8. Hardt M., Negri A. Imperiya [Empire]/Translated from English by Kamenskaya G.V., Fetisov M.S., – Moscow: Praxis, 2004. – 440 p.

9. Ikkenberry. J. Liberalism And Empire: Logics Of Order In The American Unipolar Age // Review of International Studies – 2004. – Vol. 30 – P. 609–630.

10. Kagarlickij B.Y. Ot imperij – k imperializmu. Gosudarstvo i vzniknovenie burzhuaznoj civilizacii [From Empire to Imperialism. State and Emergence of Bourgeois Civilisation]. – Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki [High School of Economy], 2010. – 680 p.

11. Kapitonova N. K., Romanova E. V. Istoriya vneshnej politiki Velikobritanii [The History of British Foreign Policy]. / N. K. Kapitonova, E. V. Romanova. — Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya [International Relations], 2016. — 840 p.

12. Kasje S.I. Centry i ierarhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma [Centres and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and Western Political Form]. — Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij [Moscow School of Political Studies], 2007. — 319 p.

13. Kennedy P. The Rise And Fall Of The Great Powers. Economic Change And Military Conflict From 1500 To 2000. — London, Unwin Hyman Limited. — 704 p.

14. Kissindzher G. Diplomatiya [Diplomacy] / Translated from English by Verchenko V. — Moscow: AST Publishers, 2018. — 896 p.

15. Liberal Imperialism In Europe / edited by Matthew P. Fitzpatrick. — New York, Palgrave Macmillan, 2012. — 290 p.

16. Liven D. Rossijskaya imperiya i eyo vragi s XVI veka do nashih dnei [The Russian Empire and its Enemies from the 16th Century to the Present Day] / Translated from English by Kozlik A., Platonov A. — Moscow: Evropa [Europe], 2007. — 688 p.

17. Lurie V. Ot drevnego Rima do Rossii XX veka: preemstvennost' imperskoj tradicii [From Ancient Rome to Russia in the 20th century: the Continuity of the Imperial Tradition] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. — 1997. — No 4. — PP. 123-133.

18. Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle For Power And Peace. — New York, 1948. — 516 p.

19. Pechatnov V.O., Manykin A.S. Istoriya vneshnej politiki SSHA [The History of the US Foreign Policy]. — Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 2012. — 686 p.

20. Rhodes Edward. The Imperial Logic of Bush's Liberal Agenda // Survival — Vol. 45, No. 1 — P. 131-154.

21. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary] / Ed. by A.O. Chubarian. — Moscow: Aquilon, 2014. — 576 p.

22. Ukolova V.I. Imperiya: istoricheskij opyt Rima [Empire: The historical experience of Rome] // Vestnik MGIMO-universiteta [Bulletin of MGIMO University]. — Moscow, 2008. — No 2. — P. 3–10.